

Саломенчик А. И.

20.9.94.

Комс. правда. - 1994. - 20 сен. - С. 6. ПО РОДНОЙ СТРАНЕ

Как выяснилось, Александр Исаевич в Москву еще не вернулся

Он задержался в Ростове-на-Дону, где прошла его юность, особенно счастливые годы жизни. Вот что рассказал великий писатель корреспонденту «Комсомольской правды»

— САНЬКА У НАС в классе Моржом был, помнишь, Женечка?

— А как же! Мальчишки любили розыгрыши всякие, классную стенгазету во главе с Санькой выпускали и всем девочкам придумали имена цветов. Я, например, розой была, помнишь, Лара?

Две школьные подружки — Лаура Захарян и Женя Воробьева, брюнетка и блондинка, проучились с Александром Исаевичем Солженицыным в Ростове-на-Дону с первого по десятый класс. И годы те могут вспоминать часами, и с радостью мне рассказывают:

— Необыкновенно дружным был класс. И удивительными счастливым — время.

— Хотя и то сказать — троих из класса посадили за политику. Кроме Саньки — Ваткевич да Кирилла Симонян, а ведь какой теперь из Кирилла прекрасный врач вышел — хирург, профессор...

— Скромно жили, но все-го хватало!

— Да, хотя жили уж до чего бедно. Особенно Санька — мы сначала и не знали до конца, только в десятом классе, когда он сильно заболел, впервые пришли к нему домой проведать. Жил он с мамой, университетским секретарем, стенографисткой, в жуткой нужде, в доме не то что роскоши — самого необходимого не было, только стол да кровать железная. И — книги. Столько книг не было ни у кого: дорого. А они — покупали.

— Как сейчас помню его в сереньком костюме с заплатками — и на коленях заплатки, и на локтях. Но каким гордым был, как выделялся среди всех!

Подружки показывают мне общую школьную фотографию, где они, юные и прелестные какие хорошенкие, и он, юный и жуть какой серезный. А третья их одноклассница достает фотографию Солженицына-школьника с его подписью на обороте: «Пожалуйста, не забывай ме-

ня», и протягивает Александру Исаевичу:

— Смотри, шестьдесят лет прошло, а я не забыла.

ЗДЕСЬ, В РОСТОВЕ, у него прошла юность, особенно счастливые, как признался «Комсомолке», годы жизни. И северные тюрьмы, где пришлось оправдывать случайную детскую кличку «Морж», и 12 лет Америки-разлучницы — это все было потом.

В городе своей юности, где учился в школе и в институте, проживет Александр Исаевич Солженицын эту неделю. Не потому ли первую встречу провел именно с учителями, эдакий городской педсовет устроил. А может быть, потому, что сам учительствовал десяток лет. А возможно — и оттого, что большинство приходящих на эти встречи воспринимает его Учителем нашего поколения.

Учителя пришли к нему со своими бедами. Бед много. «Школьники занимаются сексом, музыкой, чем угодно, только не учебой». Заинтересованность падает. Нет зарплат, нет мужчин, нет престижа...

И Учитель с толстовской бородой, в серой рубахе на выпуск старательно их беды конспектировал. И думал.

Что же думает он о том, как обучить Россию?

— У нас до революции слово «учитель» стояло неизменно выше, чем сейчас, — сетует Солженицын. — Мы десятилетиями создавали его беспрестижность. Соотношение мужчин и женщин в этой профессии должно быть, как в семье, — пополам. Но мужчины сейчас должны кормить семью, и они ушли из учительства. После войны мы возвесли науку, и мужчины бросились туда. Теперь — в торговлю.

Все восстановится, но пока жизнь напоминает броуновское движение, и подростки получают все время обманчивые, лживые соблазны, которые им подсовывают: не надо учиться, совершенствоваться, надо уметь легко зарабаты-

вать деньги. Наша школа не успевает скорректировать этот процесс. В ней появляется старая проблема кухаркиных детей: у кого деньги есть — без знаний поступят в вуз, но будут никчемными специалистами, а кто победнее, но талантливее — поступить не сможет.

Семьдесят лет мы не накапливали — мы тратили, — продолжает Солженицын. — Тратили в первую очередь наш духовный потенциал. Мы безжалостно вырубали всю лучшую, всю думающую часть народа, уничтожали не по принципу геноцида — а тех, кто мог иметь свое мнение, спорить — хватай его! Мы сейчас пришли уже обворованным поколением. И надо удивляться, что у нас еще такой потенциал остался, несмотря на все уничтожение. Вы знаете — то, что у нас металлургия была, то, что домны строили и магнитогорски, и в космос летали, и природу испортили, — вы знаете, это еще не накопление. Мы расстратили экономический, духовный потенциал. Издавали книги, которые не читают.

...ОХОТНО ГОВОРЯ на темы регионов, Александр Исаевич, однако, напрочь отмел вопрос «Комсомолки»:

— Вы писали о том, как обустроить Россию. А кто, по вашему мнению, мог бы ее обустроить? Кого вы видите наилучшим ее «правителем»?

— Я стараюсь беседовать только с местной прессой, потому что местная пресса мне таких вопросов не задает, — улыбнулся он. — А с московской я и не беседовал, потому что я еще в Москву не возвращался. То, что я жил там месяц, — это была как передышка между путешествиями. Теперь опять путешествую. И лишь потом вернусь в Москву и буду отвечать стране на такие вопросы.

Владимир ЛАДНЫЙ.
(Наш корр.).
Ростовская область.